

Михаил Кукобака

на Свидание с детством

Вавулич... Лесная, невеликая деревня возле Бобруйска. Сколько раз в годы заключения - за решеткой советских тюрем и специальных больниц - мечтал я навестить этот дальний уголок своего военного детства!

Начало войны застало в Бобруйске. Отец /он был танкистом/ ушел на фронт, мать - в партизаны, мы жили вдвоем с бабушкой. И вот - яркий летний день. Толпы любопытных на улицах. Улыбающиеся, довольные немцы. Помню, один натянул мне на голову нивель откуда взял фуражку НКВД. Я прибежал домой похвастаться, но бабушка отобрала фуражку и забросила на чердак...

А потом мы с бабушкой переехали в эти Вавуличи. Может быть, потому, что в деревне, казалось, было легче прокормиться. До самого конца войны мы тут жили. У нас на постое всегда солдаты немецкие стояли. Особенно запомнился один, по имени Рудольф. Кажется, он даже был сержантом. Он часто помогал нам: то кашу какой-нибудь с кухни принесет, то мыса кусочек. А иногда угождал дешевыми солдатскими конфетами. По-русски говорил плохо, хотя вполне понятно. Помнится, он всех ругал: и Гитлера, и Сталина, вообще войну ругал. Бабка старая была, болела часто. Так Рудольф дров принесет, натопит печку и сидит с нами часами - все душу отводил в разговорах. Я его как-то и за немца не считал.

Особенно памятен конец войны. Постоянный орудийный гул, частые бомбёжки. Нашу хатенку накрыло прямым попаданием советской авиабомбы. Запомнился миг перед этим: нас в хате трое - бабка, я и девочка какая-то. Идет бомбёжка, мы сидим, прижалась друг к другу, на сундуке. Девочка зачем-то соскочила, как вдруг - оглушающий грохот. Когда через несколько секунд я оторвал голову от бабкиной спини, то первое, что предстало перед глазами, была девочка посреди изби: искаженный криком рот /звука не было сразу/, а вместо руки, по локоть, - какие-то окровавленные лохмотья. Дальнейшее в сознании пропадает. Уже много позже я видел эту девочку с перевязанной культей.

И еще живет в памяти сценка. Идет бомбёжка, все мы на этот раз прячемся в погребе. Тут же, в проходе, сидит какой-то немец с котелком, ему не хватило места. Кажется, он даже ел в эту минуту. Вдруг раздался взрыв. Когда мы подняли головы, немец лежал мертв-

(Слова)

вый, рядом валялся опрокинутый котелок.

Вавуличи, далесое детство мое... Особено трудными были послевоенные зимы. Стец не вернулся, бабка говорила - без вести пропал. Мать вернулась калекой, долго скиталась по госпиталям. Уже будучи в детдоме, в 47 году, увидел ее - приходила на kostылях. Умерла она раньше бабушки.

В общем, одни мы были с бабкой, на всем свете одни. Бабка милостыню просить стеснялась, очень гордой была. Что дадут за какую работу, и ладно. Приносила очистки картофельные, около солдатской кухни собирала. Бывало, если какой солдат догадается, то и пару целых картофелин принесет. Много тогда голодных было. Помню, зашла к нам переночевать одна нищенка /мы и сами жили у чужих/. Как вывалила она полную суму корок хлебных на стол - самым богатым человеком на свете мне показалась. Объелся я тогда, еле отходили. Да, нелегкие эти зимы были, с 44-го на 45-й и с 45-го на 46-й год. Всем, наверное, болезнями я тогда переболел: и золотухой, и "куриной слепотой", и воспалениями разными. Врачей не знал. Бабка от всего сама лечила, как могла. Она неграмотная была и все мечтала, как бы я "ученым" стал. Особенно хотелось ей, чтобы "дохтор" из меня вышел... В 1946 году подготовила обувку мне /лапти/, сшила тетрадь из оберточной бумаги, карандаш достала и отправила в школу. Помню, для два походил я, а потом бросил. Стеснялся я очень. В Вавуличах тогда большая воинская часть стояла, и большинство школьников оттуда ходило - офицерские дети. Девочки в шубках, мальчики в шапках теплых, в ботинках или сапогах. А у меня - буденновка, одежка хилая - что-то перешитое из трофейных тряпок, и лапти, с которыми только и делал, что воевал. То веревки размотаются, то еще что-нибудь... В общем, никакие бабушкины уговоры не помогли, уж очень я на эти лапти в обиде был.

Вот тогда-то и решила бабушка отвезти меня в бобруйский детдом, понимая, что здесь, в деревне, с учебой у меня все равно ничего не выйдет. К тому же почти у всех ребят хоть какие-то книги, особенно у офицерских детей, у меня же одна самодельная тетрадь да карандаш.

Ах, если бы не лапти эти, да не зима, то можно бы, пожалуй, и без детдома обойтись! А то ведь так и пошло: от детдома до тюрьмы, по чужим, по казенным домам...

С годами я все чаще возвращался мыслями к этой деревушке. Каждая встреча становилась непереносимой. И вот наконец, спустя

30 долгих лет, соскочив с бобруйского автобуса, иду я проселком в родные места. Впрочем, Вавуличей теперь нет, есть деревня Дубовка, вот она — столб с надписью стоит!

Когда-то, еще до октябрьского переворота, местный крупный землевладелец, или помещик, как называем по привычке, хотел построить здесь сахарный завод. Возвел главный корпус и несколько подсобных. Думал даже провести железнодорожную ветку от ближайшей станции Савичи, отсыпал насыпь до самой деревни.

Гражданская война спутала планы. Так и простояло это, заложенное неизвестным промышленником сооружение до сих пор без применения. Разве что колхоз использовал его под склады да конюшни. Вот по этому зданию из добротного красного кирпича /теперь такого не делают/ я и узнал место своего детства. Рядом находился огромный фруктовый сад /тоже старый, поместный/, при немцах он был бесхозным, и мы, мальчишки, кормились в нем вволю в те голодные годы.

Теперь сад вырублен и ~~даже~~ выкорчеван. Говорят, стал "нерентабельным" для колхоза. Но ведь взамен ничего! Ни луг, ни пашня — просто исковерканная, обезображеная земля...

Дорога от деревни до станции была как большая живописная аллея из столетних елей. Они пережили и гражданскую войну и бомбежки последней. Увы, сейчас я насчитал всего 4 дерева. Оказывается, одному из послевоенных председателей колхоза захотелось построить себе новый дом, и он приказал спилить эти деревья. Председателя давно уж нет, ушел на пенсию, только в память о нем торчат из земли полусгнившие пни.

Вокруг деревни, помню, шумели необозримые леса, грибов там разных было, ягод — хоть отбавляй. Сейчас почти сразу за склоном — шлагбаумы, запретная зона: рядом с Вавуличами, тесня деревню, расположился огромный полигон. Автоматный и пулеметный треск днем и ночью. А когда падает из "платных" орудий, как объяснял мне какой-то школьник, то в деревне часто стекла выпадают из окон. Военная готовит пущечное мясо для новой войны!

Уже в черте полигона мое внимание привлекло озеро, которого не было раньше, и какое-то заброшенное строение рядом с ним. Сочетание показалось странным: по виду — бывший жилой дом, а стены железобетонные, мощные, словно у ДОТа. И такое же перекрытие — не всякий снаряд пробьет.

Оказалось, это бывшая генеральная лача. Для него и озеро было вырыто, и баня рядом построена /тоже железобетонная/, с во-

допроводом. Специальный насос качал воду из озера для дачных нужд. Все это было огорожено колючей проволокой и охранялось, запретная зона!

Генерал давно съехал: то ли перевели, то ли сам лучшее место нашел. Рассказывают, что когда на время снимали охрану, дачу дважды сжигали, видимо, из мести. И стоит теперь одиноко этот железобетонный скелет, заброшенный, с пустыми глазницами вместо окон и дверей, — порождение чьего-то бредового ума. А озеро называется Тарасовским — по фамилии начальника полигона, который руководил работами. В озере водится рыба. А так как оно расположено на границе полигона, сюда забредают с удочками колхозники, особенно молодежь. Охрана, конечно, гоняет их, т.к. озеро считается собственностью полигона. Иногда приходят солдаты, эти уже не с удочками, — глушат рыбу взрывчаткой, и тогда поверхность озера белеет от дохлятины.

Километрах в трех от Бавуличей-Дубовки — село Телуша. Там есть большая церковь, силуэт которой хорошо виден отсюда. Я направился к ней. Вспомнил, как бабушка водила меня туда на какой-то праздник в том далеком, 1946 году. Народу в церкви была тьма.

Оказалось, что церковь давно закрыта. Все поклевавшее, полу-
сгнившее. Кладка осипается, двери проломлены. Пробираюсь через пролом внутрь. Господи! Все, что можно сломать — сломано. Пол покрыт птичьим пометом и тысячами пробок от винных бутылок. И все кругом загажено, уже не птицами. Церковь используется как ^{неофициальный}
~~туалет~~. Еще бы, ведь рядом — клуб и продовольственный магазин, в котором я насчитал 9 сортов разных винно-водочных изделий. Так что все вместе: пьют, едят и отправляются...

Я выбрался на свежий воздух. Метрах в двадцати от церкви — обелиск со звездой и трафаретной надписью: "Героически погибшим в 1941-45 гг..." Но меня привлекло другое. Неподалеку от казенного монумента, в пределах бывшего церковного двора, — скромная мраморная плита, на которой высечена четкая надпись:

Наталия Александровна

Пушкина
по мужу
Воронцова-Вельяминова

3 декабря 1912 г.
53 года

Какой-то иной волей повелло от этой, видимо, случайно сохранившейся могилки. Правда, все это тоже огорожено аляповато

сваренном металлическом заборчиком с отупившейся краской. Это что, выгнанная Пуштина? Но как оказалась здесь, в белорусской провинции?

Вавауличи, память моя!.. А вот бабушкиной могилки и не
сискать нигде. Где она умерла и даже когда точно - я не знаю.
Она ведь после войны вроде как без постоянного места жительства
была - где что пристанет, там и поживет несколько дней. И переби-
валась кое-как, чужим куском. До войны она получала пенсию по
инвалидности, а время войны пропали документы, и в пенсии от-
казали... Так что моя бездомность, видимо, по наследству ко мне
перешла. Точно так же, как другие получают по наследству квар-
тиру, имущество, даже профессию. В общем, что бы там философы но-
говорили, а в жизни, в большинстве случаев, как счастье, так и
несчастье - по наследству достаются.

Когда я уезжал, дул холодный порывистый ветер, моросил дождь. С тяжелым чувством покидал я свою, теперь уже бывшую, родную деревню. Раньше только одно воспоминание о ней, о тех далеких днях детства, задевало самые чувствительные струны моего сердца. И все эти 30 лет меня тянуло сюда — посмотреть и вспомнить что-то. И жгла болезнь: а вдруг не успею? Теперь все это умерло. Видимо, для чувства Родины недостаточно одного факта рождения в какой-то географической точке на земле. Нужны еще какие-то связи, и если они оборваны...

Об авторе. Михаил Игнатьевич КУКОБАКА, белорусо, родился в Боб-
руйске. Воспитывался в детдоме. Рабочий. В 1970 г., будучи рабочим радиозавода в г. Александрове Владимирской области, был арестован за демонстративное неучастие в выборах и коммунистическом субботнике. Обвинен по ст. 1901 /"распространение сведений, порочащих советский строй"/. В отменике за отказ от сотрудничества с КГБ во время следствия, был направлен в Институт им. Сербского, где признан невменяемым. Длительное время провел в Сычевской СИБ и Владимирской психбольнице. Освобожден в мае 1976 г., проведя в заключении свыше 6 лет.

В настоящий момент ведется в Бобруйске, рабочий процесс постройки.

Публикуемый отрыв написан в 1977 г. и основан на существующем физическом материале.

He Rozbr.

are large.